

4. Кассирер Э. Философия символических форм. Введения в постановку проблемы / Э. Кассирер // Культурология. XX век. Антология. – М.: Рудомино, 1995. – 703 с.
5. Кримський С. Б. Запити філософських смислів / С. Б. Кримський. – К.: ПАРАПАН, 2003. – 240 с.
6. Крымский С. Б. Философия как путь человечности и надежды / С. Б. Крымский. – М.: Курс, 2000. – 380 с.
7. Майданов А. С. О смысле вообще и о смысле мифов особенно / А. С. Майданов // Опыт и смысл. – М.: ИФРАН, 2014. – 203 с.
8. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Культура, 1992. – 408 с.
9. Микешина Л. А. Философия познания / Л.А. Микешина. – М. «Канон» РОО Реабилитация, 2009. – 560 с.

Мисик Ірина Георгіївна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії, соціології та менеджменту соціокультурної діяльності Державного закладу "Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського".

УДК: 37.012+115+81-13

РИТМ В АСПЕКТЕ СОЦІАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматривается ритм как свойство социального времени, которое характеризует динамику общественных отношений, осознанную согласованность действий. Анализируется специфика революционных нарушений регулярности ритма.

Ключевые слова: ритм, аритмия, социальное время, революция.

РИТМ В АСПЕКТІ СОЦІАЛЬНОГО ЧАСУ

У статті розглядається ритм як властивість соціального часу, яка характеризує динаміку суспільних відносин, усвідомлену узгодженість дій. Аналізується специфіка революційних порушень регулярності ритму.

Ключові слова: ритм, аритмія, соціальний час, революція.

RHYTHM IN A SOCIAL TIME ASPECT

In the article rhythm as a social time characteristic that characterizes social relations dynamics, conscious consistency of acts is being viewed. Specificity of revolutionary rhythm disturbances is being analyzed.

Keywords: rhythm, arrhythmia, social time, revolution.

Концепт «время» содержит в своей структуре актуальный социальный компонент. В сложных семантических связях обнаруживается неожиданное соотношение смыслов – свидетельство восприятия и переживания наличной реальности как восхождения от чувственного к всеобщему. Ритм как всеобщее в определенности числа осознавался в римской культурной традиции, которая была развита Августином (трактат "О музыке").

Это дает возможность современным исследователям делать выводы о том, что ритмика становится ключевым «гештальтом» в образовании античного духа с оговоркой, что сфера концептуального есть не произвольный продукт культуры того или иного индивида, а духовный пласт, образуемый в процессе рефлексии сложившейся действительности в ее объективно-исторической подоплеке. Сама логическая связь между числом и ритмом осознавалась еще греками. В контексте того, что сфера особенного не является подлинным бытием, метафизическая позиция Августина (и в целом, и в ритмике) рассматривается в качестве подтверждения тезиса, что "все особенное должно распрощаться со своей

самостоятельностью и признать господство всеобщего" [2, с. 86]. *Numeros* относится то к области преходящих ритмов, то к царству истинного бытия – неизменных чисел. А это указывает на то, что латинский *numeros* и был тем «имперским» концептом античного мышления, в котором вся область эстетического получала свою легитимацию, так как в нем конечная красота, чувственная ритмика «шла ко дну», но благодаря этому погружению принималась во всеобщность числа как логического принципа» [2, с. 86].

Всеобщее как историческое и социальное время в различных аспектах актуальности становится предметом исследования таких мыслителей, как Н. Данилевский, Р. Мертон, П. Сорокин, А. Тойнби, О. Шпенглер, а также А. Гуревич, Г. Зборовский, В. Яковлев, П. Штомпка и многих других.

Социальное время рассматривается учеными в контексте общности исторических циклов, социально ожидаемых длительностей, взаимопроникновений социально-психологических свойств, соотношения смежных понятий (например, исторического и социального, субъективного и индивидуального времени), структуры, в аспекте метрико-топологических свойств (например, ритма как особой темпоральной характеристики), множественности временных ритмов, условий и форм их согласования и пр.

Задача данного исследования – обозначить специфику ритма как свойства социального времени.

Социальное время – форма осмысления и переживания объективного времени, которая рассматривается через отношения предшествования, следования и одновременности действий социальных явлений и процессов, а также и представления о времени, закрепленные и воспроизводимые в определенных культурных кодах и актах коммуникации.

Об интересе к проблеме социального времени свидетельствует массив современных публикаций, в частности монографий, например, М. Кастельса [1]. В его концепции "вневременного времени" анализируются виртуальное время, общественная аритмия, размывание жизненного цикла, манипуляции со временем в сетевом обществе: "это линейное, необратимое, измеримое, предсказуемое время дробится на куски в сетевом обществе, в движении, имеющем чрезвычайное историческое значение. Однако мы не просто становимся свидетелями релятивизации времени в соответствии с социальными контекстами или (как альтернативной возможности) возвращения к временной обратимости, такой, как если бы реальность можно было бы полностью заключить в циклические мифы" Кастельса [1, с. 402]. Кастельс связывает манипуляции со стремлением сделать реальной «свободу капитала от времени и избавление культуры от часов». Цель освобождения от временной зависимости ускоряется «новыми информационными технологиями» [1, с. 403].

Социальная практика как внешний по отношению к жизненному циклу фактор воздействует на коллективные ритмы и через них – на индивидуальное время человека. М. Кастельс подробно рассматривает изменения понятия времени на примере русской культуры двух исторических периодов: реформ Петра Великого и подъема и упадка Советского Союза, когда «Россию периодически потрясали этатистские модернизационные усилия, направленные на организацию жизни вокруг времени» [1, с. 400]. Это выражалось в упрямом стремлении Петра европеизировать страну и подчеркнуть измеряемые временем обязательства людей по отношению к государству, а также в «форсированной коллективизации, нацеленной на уничтожение общинного понятия медленно текущего времени, укорененного в природе, семье и истории» [1, с. 401].

По мысли Кастельса, принцип жизненной последовательности из биосоциального стал социобиологическим. В новом обществе организационные, технологические и культурные процессы подрывают упорядоченный жизненный цикл, не заменяя его альтернативной последовательностью. Сетевое общество характеризуется аритмией – «уничтожением ритмичности, как биологической, так и социальной, связанной с понятием жизненного цикла». Размывание биологического основания жизненного цикла проявляется в трансформации семьи, изменении времени и форм материнства в результате использования новых репродуктивных технологий, расширении понятия пожилого возраста, разрыве социальных и биологических

показателей.

Меняются условия для контингента, который менее защищен и приспособлен к резким переменам (старики, дети, люди с ограниченными возможностями, больные). Физиологические ритмы, коррелирующие с социальными, становятся их заложниками.

Биологическое, как и социальное, в определенных соотношениях выступают внешним объективным фактором по отношению к миру человека, его субъективному времени. А в нем возможна свобода (или ее иллюзия) в выборе событийной наполненности жизни. Субъективное время переживается как длительность, обладающая последовательностью, ритмом, темпом, специфическим соотношением темпоральных модусов. Метрические количественные свойства индивидуального времени, например, продолжительность жизни в последовательности событий, более наглядны, чем топологические. Но здесь также важен их содержательный и смысловой компонент как аналитический критерий сценариев жизни.

Ориентация во времени («до», «после») подразумевает лишь возможность пассивной локализации события, так как управлять временем, преодолеть его необратимость нельзя. Даже если мы займемся исторической реконструкцией событий, то будем рассматривать прошлое из настоящего-современного, исходя из программных ритмов сегодняшнего дня, выполняя осознанный или неосознанный социальный заказ.

Ритм – повторяемость, чередование движения и покоя, форма протекания во времени каких-либо процессов. В социальном контексте ритм характеризует динамику общественных отношений, осознанную и закрепленную «совместность», согласованность действий. В сопряжении с длительностью, темпом, последовательностью, координацией событий ритм входит в категориальное пространство времени вообще и социального, в частности.

Культурный аспект понятия ритма востребован в интерпретации истории как специфического текста, в котором, следовательно, предполагаются и жанровые особенности, и сюжетные комбинации, и своеобразный ритмический рисунок. Искажения и изменения ритма связаны с понятием аритмии.

Аритмия в медицинском понимании (от греч. а – отрицательная частица и *rhythmos* – ритм) определяется как нарушение нормального ритма сердца, частоты и последовательности сердечных сокращений: учащение (тахикардия) или замедление (брадикардия) ритма, преждевременные сокращения (экстрасистолия) и т.д. Интересно, что в толковом словаре живого великорусского языка В. Даля революция обозначена как переворот, внезапная перемена состояния, порядка, отношений; смута или тревога, беспокойство. Если сравнить понятия революция и аритмия, опираясь на их семантические ресурсы, то можно обнаружить некоторые смысловые соответствия. А именно «нарушение» (разной степени интенсивности) определенного ритма.

Революция как «сбой программы», прежде всего, задает иной ритм, который заставляет острее переживать время, которое не ощущается в относительно стабильные исторические периоды, когда кажется, что ритм отсутствует. На самом деле «незаметный» ритм выражает целое как порядок, фундамент социального здания, которое на деле весьма разнородно.

Нарушение привычного регулярного социального ритма связано с тем, что в обществе функционируют социально адаптированные и социально не адаптированные, чуждые ему формы деятельности. Между допущенным, освоенным и неосвоенным, девиантным возникает напряжение, разбалансировка, вызывающие изменение ритма (пульсацию, сгущение, ускорение).

Гетерогенность одновременно сосуществующих процессов — характерная черта истории XX столетия. Отсюда и неустойчивость социальных конструкций, которые подвержены революционной аритмии. Так или иначе общество вынуждено реагировать на то, что (по мнению авторитетных социальных институтов) выбивается из ритма, является источником беспокойства, угрозой социальному гомеостазу. Способность трезво оценивать ситуацию нестабильности как неизбежность, считаться с тем, что в данный момент общество не разделяет – признак зрелой системы, способной сохранять и совершенствовать целое в разных

ритмических моделях.

Ритм – одна из важнейших характеристик музыки. Но ритм сам по себе еще не музыка. Он специфически отражает реалии социального времени. Аритмия возникает на уровне деформаций норм, традиций, социального порядка. В субъективном времени человека случаются такие «революционные» кризисы, которые ведут к коренной ломке жизненных ритмов и изменению существующего положения.

Изменения организованной последовательности длительностей связаны с источником различий во времени: изменением темпа как отношения числа событий к тому времени, которое они заняли, ускорением и замедлением. Музыканты могут сыграть в одном темпе, но с различным ритмом одинаковые мелодии, однако звучать они будут иначе. Социальные темпы задают перспективы развития обществ. В глобальном пространстве возвышается ценность сочетания и реализации разных темпов жизнедеятельности.

Поликультурная среда вмещает совершенно разные динамические традиции, которые являются мощным фактором обустройства и процветания или деградации социальной системы. Мощное внешнее давление темпов и ритмов, заданных успешными странами, принуждает остальных к ускорению собственных, постоянному их наращиванию во имя достижения лучшего результата в гонке за благом. Тяга к совершенству через ускорение и приобщение к чужому успеху чревата неоправданными рисками и разрушительными последствиями. Игнорирование аутентичных культуре ритмов может вызвать дестабилизацию и хаос в обществе.

Таким образом, ритм как повторяемость и чередование длительностей, характеризующий согласованность и динамику социального времени, подвержен изменениям.

Аритмия характерна как для индивидуального, так и для социального времени. Вследствие активного взаимодействия и взаимовлияния между социально-историческим и субъективным временами деструкция индивидуального ритма перерастает в массовую временную аритмию революции с последующим разрушением существующего социального порядка.

Внедрение прогрессивно-агрессивных практик для подтягивания отстающих во времени, ломка определенности времен могут нарушить жизненно важные программы существования, вызвать маргинализацию социума и жесткие протестные формы ответной реакции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Тащиан А. А. Numerus как «имперский» концепт в метафизике ритма Аврелия Августина / А. А. Тащиан // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2014. – Т. 15, вып. 2. – С. 85-91.

Олейніков Юрій Васильович – аспірант кафедри філософії, соціології та менеджменту соціокультурної діяльності Державного закладу "Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського".

УДК:1.316.3 +111.852+12.45

МІСЦЕ ЕСТЕТИКИ В СИСТЕМІ ФІЛОСОФСЬКОГО ЗНАННЯ ТА ЇЇ ФУНКЦІЇ

В статті аналізується природа і особливості естетичних цінностей; висвітлюється художнє знання, історія світової естетичної думки та особливості її стану. Детально розглянуто специфіку соціального пізнання, закономірності і розвиток самого суспільства, сутність категоріально-понятійного апарату. Детально висвітлюється сутність мистецтва